

крытые отверстиями; аналогичные сосуды найдены в Чешскихъ „сорныхъ ямахъ“, относимыхъ къ неолиту и служившихъ, по предположенію ученыхъ, для выдѣлки творогу.

Къ глинянымъ издѣліямъ этихъ стоянокъ относятся также пряслицы, которыхъ въ моей коллекціи находится около 10 штукъ; онѣ находятся, большею частью, въ обломкахъ. На все это количество мною найдена лишь одна каменная пряслица изъ песчаника.

Изъ украшеній встрѣтились бусы и одно кольцо изъ бронзовой проволоки, съ концомъ, скрученнымъ въ спираль; подобное есть въ находкахъ графа Бобринскаго изъ скифской могилы.

IV.

Статья Е. К. Рѣдина.

Икона „Недреманное око“.

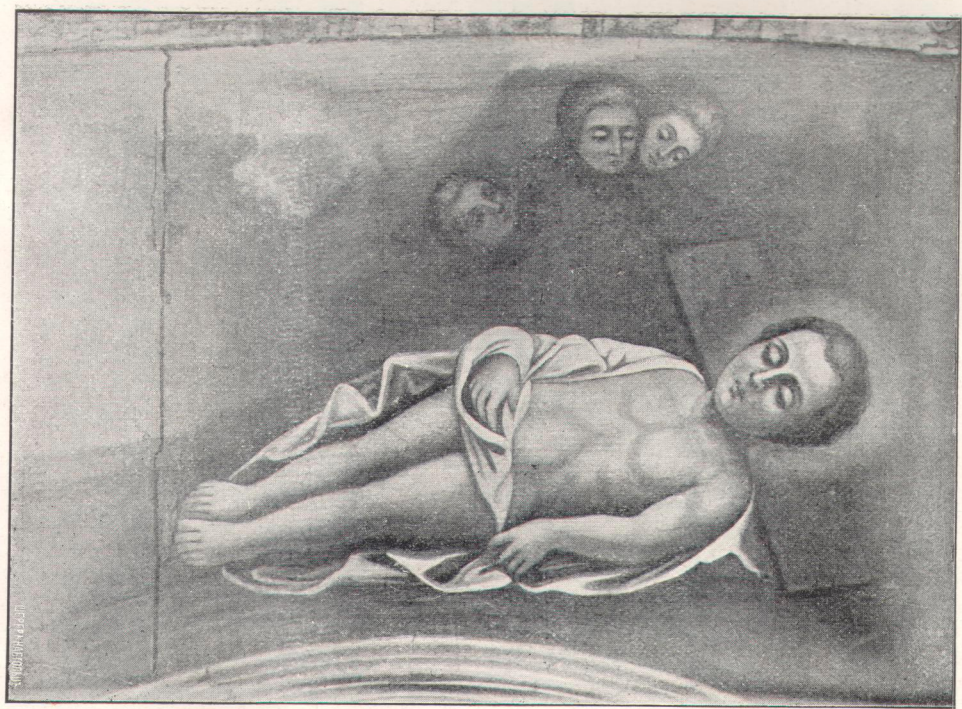
II.

Въ первой нашей статьѣ ¹⁾ мы указали на идею иконы „Недреманное око“: недремлющее око Спасителя прозрѣваетъ въ будущемъ страсти искупленія, и въ объясненіе всѣхъ деталей образа привели цѣльный разсказъ, извѣстный въ рукописи XVII вѣка. Однако указанный разсказъ, какъ и подписи къ образу не уясняютъ самого его происхожденія. Покойный гр. А. С. Уваровъ въ статьѣ „Недремаемое око Спасово“ (отрывокъ изъ русской символики) ²⁾, повидимому, основательно ведетъ происхожденіе этого образа, ставя его въ связь съ символомъ Христа—львомъ; этотъ символъ подробно уясняется у отцовъ церкви и въ фізіологахъ. Къ нашему образу имѣетъ отношеніе второе свойство льва—*спать съ открытыми въждами*. „Между всѣми качествами льва, говоритъ гр. А. С. Уваровъ, бдительность занимала всегда главное мѣсто въ разсказахъ народныхъ и наконецъ, выразилась въ повѣріи, что левъ спитъ съ открытыми глазами. То же самое повторили впоследствии и первые фізіологи св. Епифаній и Дамаскинъ Студитъ на основаніи разсказовъ древнихъ естествоиспытателей; такъ что

¹⁾ Въ Трудахъ предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда (Записки Императ. Харьк. ун-в. 1901 г.; отд. отт., 6).

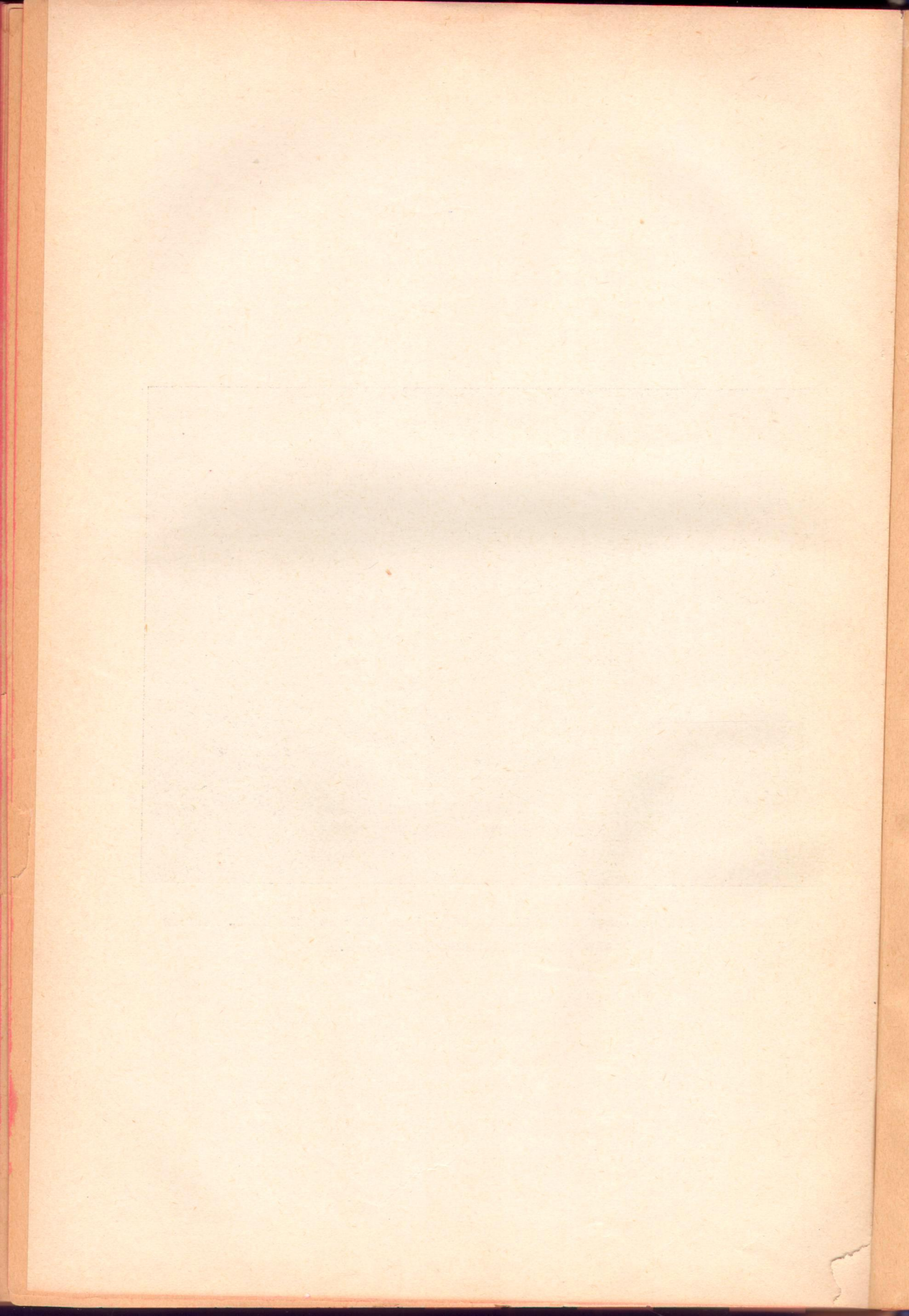
²⁾ Древности. Труды Московскаго археологическаго Общества, М. 1865—1867, I, 125—134.

Икона „Недреманное око“ въ живописи надъ горнимъ мѣстомъ въ ц. Успенія
села Савинець Изюмскаго уѣзда.

чрезвычайная бдительность льва заняла столь-же замѣтное мѣсто и въ христіанской символикѣ. Иконографія Византійцевъ, постепенно черпая свои наглядные примѣры изъ повѣрій и преданій самаго народа, предпочла бдительность льва всѣмъ остальнымъ качествамъ и создала на этомъ основаніи символическую икону, перешедшую и въ нашу иконографію подъ названіемъ *Недремаемаго ока* или *Недреманнаго ока Господа нашего Иисуса Христа* (129).

Гр. А. С. Уваровъ считаетъ древнѣйшимъ переводомъ этой иконы, какъ наиболѣе простой въ своей композиціи, тотъ, что въ древней Протатской церкви въ Кареѣ на Аѳонѣ (см. у него рис. на стр. 130): здѣсь изображенъ Младенецъ-Христосъ въ крещатомъ нимбѣ, оборотившимся и отдыхающимъ на ложѣ съ открытыми глазами; греческая надпись надъ нимъ изъ Бытія, XLIX, 9: „возлежъ, уснулъ еси ѡко левъ, и ѡко скименъ: кто возбудитъ его?“ Эта надпись ясно указываетъ на отношеніе образа и лица въ немъ представленнаго къ льву и на связь такимъ образомъ его происхожденія съ толкованіемъ льва, какъ символа Христа.

Но какова древность этого образа—точно нельзя сказать, но во всякомъ случаѣ онъ не ранѣе XVI в., какъ и вся живопись этой церкви ¹⁾, и такимъ образомъ невозможно утверждать, что въ немъ мы имѣемъ древнѣйшій переводъ, такъ какъ въ датированномъ памятникѣ болѣе древнемъ—на саккосѣ митрополита Фотія (1414—1417 г.) онъ въ болѣе сложномъ видѣ: Младенецъ-Христосъ въ крещатомъ нимбѣ, облокотившись на правую руку, лежитъ на пурпуровомъ ложѣ; предъ нимъ, у ногъ, стоитъ ангелъ, держащій шестиконечный крестъ и копье; этотъ ангелъ съ орудіями страсти, какъ замѣчаетъ гр. А. С. Уваровъ, „долженъ напоминать третье свойство льва: оживлять на третій день своихъ мертворожденныхъ птенцовъ, ибо это свойство было истолковано Оригеномъ уже какъ символъ воскресенія Христа послѣ трехдневной смерти; крестъ и копье въ рукахъ ангела ясно указываютъ на страданія Спасителя передъ смертью и на самое воскресеніе его“ (131).

Въ XVI вѣкѣ, т. е. одновременно съ Протатской, очевидно были иконы еще съ болѣе сложнымъ переводомъ, съ введеніемъ въ композицію Богородицы; къ XVI в. относится слѣдующее толкованіе образа въ сборникѣ гр. А. С. Уварова, № 610, л. 82 (и въ другомъ № 78, л. 34):

¹⁾ Н. В. Покровский, Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ, Москва, 1890, 84.

въ недреманнемъ ѡже спасове.

„Божественный апостолъ Павелъ глаголетъ, отчасти свидѣтельствуеть и отчасти пророчествуетъ отъ божественнаго писанія и отъ старческихъ бесѣдъ и свидѣтельствуеть въ Псалтѣ книгѣ: лъвица раждаетъ лъва, а лежить левъ три дни и три ноци умеръ, а лъвица надъ нимъ стоитъ, дондеже оживеть и начнетъ царствовати надъ всѣми звѣрями земными. И пакы глаголетъ Божественный пророкъ: почи и поспа, яко левъ.

Лъвица есть Пречистая, левъ есть Христосъ. Почи во гробѣ три дни и три ноци нездраема Божествомъ и сниде въпреисподня страны земли и скруши веревя вѣчная і воскресе тридневно (sic) и нача царствовати надо всѣми святыми. Левъ спитъ единымъ окомъ, а другимъ зрить; тако и Христосъ поспа во гробѣ плотію і вся виде Божествомъ. А то аггелъ господень преобразуетъ смерть господню и держить крестъ и трость и губу“¹⁾.

Со всѣми упомянутыми въ этомъ толкованіи деталями, въ такомъ сложномъ переводѣ, какъ указывали, встрѣчаемъ икону во многихъ памятникахъ XVII—XVIII в. Это толкованіе является важнымъ, однако, не только тѣмъ, что служитъ показателемъ существованія иконы „Недреманнаго ока“ въ сложномъ переводѣ уже въ XVI в., но и тѣмъ, что оно подтверждаетъ происхожденіе образа отъ связи его съ символомъ Христа—львомъ, какъ онъ толкуется въ фізіологахъ. Приведенный нами въ первой статьѣ рассказъ изъ рукописи Крижъ XVII в., нужно полагать составленъ лишь въ объясненіе существовавшихъ иконъ и явился какъ результатъ послѣднихъ, а не послужилъ самъ причиной появленія ихъ; словомъ происхожденіе образа „Недреманное око“ стоитъ въ ближайшей связи съ символомъ Христа—львомъ, согласно толкованію его въ фізіологѣ, бывшемъ весьма популярнымъ и на Руси, извѣстномъ въ массѣ списковъ не только въ цѣльномъ видѣ, но и въ отрывкахъ, вошедшихъ напр. въ Толковую Палею²⁾.

Въ дополненіе къ сказанному нами объ иконѣ „Недреманнаго ока“ въ юго-западномъ переводѣ, т. е. съ Христомъ-Младенцемъ, лежащимъ на крестѣ и окруженнымъ орудіями страстей, можемъ прибавить, что распространенность этого перевода на юго-западѣ Россіи подтверждается еще нѣкоторыми новыми фактами. Лѣтомъ 1901 года

¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ, О. с., 132.

²⁾ А. Карпневъ. Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи фізіолога. Спб. 1890; 159, 174.

въ поѣздѣ по Харьковской губ., съ цѣлью изученія церковныхъ древностей—нами встрѣченъ этотъ образъ въ церкви Успенія села Савинецъ Изюмскаго уѣзда, въ живописи, украшающей собою родъ иконостаса, устроеннаго надъ горнимъ мѣстомъ, жертвенникомъ и діаконикомъ. Эта живопись, исполненная въ концѣ XVIII вѣка и сильно поновленная, запечатлѣнная западнымъ вліяніемъ, представляетъ Воскресеніе Христа, Богородицу сидящую на сферѣ и опирающуюся на луну, съ младенцемъ на колѣняхъ, моленіе о чашѣ, преломленіе хлѣба, св. Троицу, нѣкоторыхъ святыхъ, и параллельно одинъ сюжетъ—другому: Богородицу, грудь которой пронзена семью мечами, и „Недреманное око“. Послѣдній образъ представленъ здѣсь въ простой композиціи: младенецъ-Христосъ лежитъ спиной на крестѣ, съ полукрытыми глазами; онъ почти нагой: бѣлое полотно прикрываетъ его спину; правая рука, обернутая въ это полотно, покоится на животѣ, а другая лежитъ вдоль туловища; вокругъ головы—желтое сіяніе; вверху надъ младенцемъ—три херувимскихъ головки—на фонѣ голубаго и свѣтложелтаго неба. Надъ образомъ нѣтъ никакой надписи, поясняющей его.

Очевидно къ тому-же переводу относится икона (1832 г.), встрѣченная В. Н. Домацкимъ въ деревянной церкви въ с. Глубочкѣ, Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи; по словамъ описателя, икона была въ большомъ распространеніи на Украинѣ; она изображаетъ отрока Христа, лежащимъ на „перыиѣ“, съ крестомъ между тѣломъ и собственно „перыной“; надпись на иконѣ слѣдующая: „Смутный одръ, дивна перина, на которой спитъ сія Богъ-Дытина. Но что реку? Буде спати, за насъ издѣтки учытся страдати“¹⁾.

Спящій Христосъ-младенецъ, какъ мы видѣли, на нѣкоторыхъ иконахъ описываемаго перевода—представленъ съ закрытыми глазами; это обстоятельство, однако, не исключаетъ родства даннаго перевода иконы съ тѣмъ, въ которомъ онъ представляется спящимъ съ открытыми глазами; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ—предъ нами Христосъ, провидящее свои страданія—око; только во второмъ онъ представленъ буквально, какъ говорится въ „подписяхъ“, *посредь земли на крестѣ вознесеннымъ*²⁾.

Е. Рѣдинъ.

¹⁾ *Кіевская Старина*, Археологическая лѣтопись, 1901 г., VI, 203.

²⁾ Отмѣтимъ поразительное сходство нашего образа съ одной картиной-иконой Мурильо, воспроизводящей, можетъ быть, распространенныя иконы того-же сюжета: Христосъ-Младенецъ спитъ на крестѣ; полотно прикрываетъ его спину; одна рука лежитъ на груди (*П. Гиндичъ*, *Исторія искусства*, Спб. 1897; II, рис. 541).